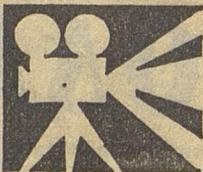

КИНО

Сегодня мы приглашаем читателя в волшебный мир мультипликации

В ПОСЛЕДНЕЕ время весьма трудно стало уследить за стремительным, непредсказуемым развитием мультипликации. Она одаряет нас все новыми открытиями. К их числу относятся и мультипликационная трилогия «Я к вам лечу воспоминаньем...», «И с вами снова я...», «Осень», созданная, как указано в титрах, «по мотивам рисунков Пушкина».

В самих названиях трех серий, составляющих по замыслу единое произведение, — ритм пушкинских стихов, его задушевная интонация. На экране, на белом листе появляются строки, написанные пушкинским летящим почерком. Перо остается невидимым, но угадывается внутренним взором, как и изящная рука, которая держит его. На миг перо замирает. Вдруг быстрые росчерки, петли превращаются в рисунок — птицу. Она с силой взмахивает крыльями, отрывается от листа и взмывает. Птица парит над рукописями — легкая, гордая, никому не подвластная, как вольное воображение, как само творчество.

О жизни поэта — путешествиях и ссылках, встречах и расставаниях, о трагических событиях и днях веселия, вдохновения, о замыслах и творческих дерзаниях — рассказывается в фильмах с помощью рисунков, которых в пушкинских рукописях около двух тысяч. Разнообразие тем, сюжетов поразительно: тут и места, где жил и бывал поэт, иллюстрации к произведениям, портреты писателей, политических деятелей, друзей, декабристов, женщин, которых он любил и которыми увлекался.

На вопрос, почему именно рукописи и рисунки привлекли внимание съемочного коллектива «Союзмультфильма», режиссер и автор сценария фильмов Андрей Хржановский отвечает: «Мы основывались на рисунках поэта не только потому, что их много и они блистательны. Главное, что создавались они на полях черновинов. Потому иногда прямо, в других случаях более опосредованно они связаны с мыслями Пушкина, его жизнью, ходом работы над произведе-

ниями. Когда мы их изучали, обнаружили, что Пушкин-рисовальщик обладал удивительной способностью: воссоздавал предмет и в то же время как бы перевоплощался в него. Острый глаз художника подмечал, казалось бы, трудно уловимые детали, «схватывал» самое сокровенное, обнаруживал душу, суть человека, им изображаемого».

ка, и называли их тогда «карикурами поэта на самого себя». По достоинству их оценили сравнительно недавно. Сегодня многие автопортреты Пушкина часто публикуются на страницах книг и периодических изданий. Но все же, сидя в кинозале, трудно избавиться от впечатления, что видишь их впервые. Не потому ли, что создатели фильмов, «оживив»

вошли натурные съемки. Михайловские рощи, поля Тригорского, Летний сад...

Действие трилогии охватывает почти весь жизненный путь Пушкина. Но нет в этих лентах привычного академизма — от даты к дате. Перед нами попытка воссоздать историю духовной жизни великого художника, биографию творческого мышления. Последовательность действия нередко прерывается. Как в памяти, обожженной страшным событием, мысли поэта вновь и вновь возвращаются к 14 декабря, к судьбам оставших. Поэт чертит виселицу с телами казненных. Под рисунком появляются слова: «И я бы мог...».

Есть у Пушкина сквозные темы лирики, рисунков, воспоминаний: это мотивы свободы и тоски в неволе, верности лицейскому братству, лейтмотив творческого вдохновения. Подобно резким контурным штрихам, они создают в фильмах целостное представление об образе Пушкина.

Природные стихии, воплощенные в творчестве поэта, передаются на экране весьма своеобразно. Тучи, холодный дождь, море, снег, березки — все это воссоздается мультипликаторами из строк пушкинских черновиков. Вот они возникают под пером поэта и на наших глазах начинают пульсировать, дыбиться, превращаться в морские волны.

Сам режиссер-постановщик кинотрилогии признается, что хотел создать произведение по законам музыкального искусства. И в этом, пожалуй, верный ключ к пониманию фильмов. И не только потому, что музыка, написанная А. Шнитке, играет здесь очень важную роль. Фильмы созданы действительно по принципу музыкальной полифонии. Авторы стремились (и им, на мой взгляд, это блестяще удалось) добиться органического единства звукового и пластического строя образа Пушкина. Слушаешь голоса И. Смоктуновского и С. Юрского, читающих за кадром стихи, прозу, отрывки из писем Пушкина, и даже в хорошо знакомых строках порой открываются новые смысловые глубины.

Е. ВЫСОЧИНА.

ВСТРЕЧА С ПОЭТОМ

О трилогии, посвященной А. С. ПУШКИНУ

Итак, авторы фильма (художники-постановщики В. Янклевский и Ю. Батанин) стремились познать Пушкина, опираясь на самые непосредственные документы его духовной и творческой жизни... В первые минуты еще помнишь, что перед тобой на экране рукописи. Но скоро плоскость листа превращается в трехмерное пространство. Рисунки поэта оказываются не фоном, не иллюстрацией к страницам жизни и творчества. Они-то и раскрывают мир пушкинских наблюдений, воспоминаний, грез. Благодаря мультипликаторам мы получаем возможность увидеть, что же за тем миготом, который изображен в перьевых набросках поэта. И вот зашумели листвою деревья, гнутся кусты под порывами ветра, закачалась ножка всадницы в стременах. Сорвались с места порывистые, необузданные кони, зазвучала под копытами промерзлая земля... На наших глазах пушкинские рисунки ожили, освободился сокровытый в них порыв, проявилась внутренняя экспрессия.

Действие фильмов зачаровывает и увлекает. Невольно ловишь себя на мысли, можно ли вообще представить себе, каким был поэт, если не видеть его уникальных автопортретов? А ведь они (автопортреты Пушкина более пятидесяти) стали известны публике в конце прошлого ве-

автопортреты, заставили нас, зрителей, взглянуть на них заново? Иногда на экране действуют сразу два поэта: маленький подвижный подросток (автопортрет 1823 года) и Пушкин в шюртуке и шляпе с большим козырьком, в полный рост — таким нарисовал он себя в Михайловском три года спустя. В их беседах между собой личностность поэта как бы «раздваивается», воссоздается внутренний диалог Пушкина — его сомнения, размышления. В результате сложная натура поэта, его взрывчатый, вольнолюбивый характер раскрываются полнее, многограннее. А ведь это и составляло сверхзадачу авторского коллектива.

Особое силовое поле интереса создает в этих трех фильмах ритм подобно тому, как организует он сами пушкинские строки. То в стремительном темпе чередуются на экране балы, мазурки, ложь театра, лица, встречи, ярмарки, множество новых мест и знакомств... Внезапно темп действия резко замедляется. Все замирает — так было в часы трудов и вдохновения: горит свеча, окно, по которому сбегает капля дождя, а за ним Пушкин — одним из своих редких автопортретов анфас — задумчивый, отрешенный от «забот суетного света». Темп событий замедляется и когда поэт остается наедине с природой. В фильмы органично